

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-37-48

Научная статья / Research article

Этноконфессиональный фактор в арабских странах Восточного Средиземноморья

Е.М. Савичева, Н.С. Ахмедова, Ганем Сомар Хафез

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. В статье анализируется роль этноконфессионального фактора в общественно-политической жизни двух восточносредиземноморских арабских стран – Ливана и Сирии. Подчеркивается, что этническое и конфессиональное разнообразие в сочетании с культурно-цивилизационной спецификой предопределяет особенности политических процессов в странах региона и их внешнеполитические ориентации. Авторы отмечают тенденцию широкой вовлеченности в политические процессы в рассматриваемых странах различных этнических и конфессиональных групп. Делается вывод о значимости этнического и конфессионального факторов в развитии традиционных обществ ближневосточных стран, включая Сирию и Ливан. Этноконфессиональный фактор может как консолидировать и мобилизовать общество, так и усилить конфликтный потенциал и усложнить процесс урегулирования в полиэтничных и поликонфессиональных странах региона.

Ключевые слова: этноконфессиональный фактор, Ливан, Сирия, конфессионализм, политический процесс, стабильность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41001.

Для цитирования: Савичева Е.М., Ахмедова Н.С., Ганем Сомар Х. Этноконфессиональный фактор в арабских странах Восточного Средиземноморья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 37–48. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-37-48

Ethnic and confessional factor in the Arab countries of the Eastern Mediterranean

E. Savicheva, N. Akhmedova, Ghanem Somar Hafez

Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes the role of ethno-confessional factor in the social and political life of two Eastern Mediterranean Arab countries – Lebanon and Syria. It is

© Савичева Е.М., Ахмедова Н.С., Ганем Сомар Х., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

emphasized that ethnic and confessional diversity in combination with cultural and civilizational specifics predetermines the peculiarities of political processes in the countries and their foreign policy orientations. The authors note the tendency of wide involvement of various ethnic and confessional groups in political processes. The authors come to the conclusion about significance of ethnic and confessional factors in the development of traditional societies in the Middle Eastern countries, including Syria and Lebanon. The ethno-confessional factor can both consolidate and mobilize society, as well as increase the potential for conflict and complicate the settlement process in multi-ethnic and multi-confessional countries of the region.

Key words: ethno-confessional factor, Lebanon, Syria, confessionalism, political process, stability

Acknowledgments:

For citation: Savicheva E., Akhmedova N., Ghanem Somar H. Ethnic and confessional factor in the Arab countries of the Eastern Mediterranean. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):37–48. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-37-48

Этнический и религиозный факторы – структурообразующие элементы традиционных обществ

В современном мире этнический и религиозный факторы не только определяют внутренние процессы в странах Ближнего Востока, но и оказывают существенное влияние на внешнюю политику, а порой приобретают транснациональный характер. Религия, и, прежде всего ислам, в значительной степени детерминирует политическую, культурную и социальную жизнь ближневосточных обществ. Она не только проникает во внутригосударственные институты, но и воздействует на разработку и реализацию внешнеполитического курса государств. Принадлежность к той или иной конфессии способствует формированию национальных идентичностей в регионе, а также определяет позиционирование государств на международной арене.

Однако наличие в регионе разнообразных этнических и конфессиональных групп таит в себе конфликтотенный потенциал. Конфликты, возникающие между различными этническими и конфессиональными группами, зачастую мотивированы стремлением укрепить собственную идентичность, занять ключевые позиции в государственных структурах и оказывать определяющее влияние на политическую жизнь. Кроме того, катализатором этноконфессиональных противоречий нередко выступает внешний фактор – вмешательство внешних сил в политические процессы в странах региона, осуществляемое как международными акторами, так и ведущими региональными игроками. Активизация такого рода конфликтного потенциала играет на руку не только этническим или религиозным меньшинствам, стремящимся любыми средствами укрепить свои позиции, но и внерегиональным силам, претендующим на статус главного арбитра в регионе.

В данном контексте противостояние на этноконфессиональной почве актуализируется и требует пристального внимания экспертов. Наиболее остро данная проблема стоит в странах Восточного Средиземноморья, в

частности в Ливане и Сирии, где этноконфессионализм стал одним из мотивов гражданских войн.

Деструктивный потенциал конфессионализма в Ливане

На небольшой территории Ливана проживают представители почти двух десятков различных религиозных общин (12 христианских, 5 мусульманских и 1 иудаистская). Доминирующей является мусульманская община, представленная шиитами, суннитами, друзами, и христианская, в составе которой марониты, греко-католики, православные, последователи армяно-григорианской и униатской церквей и др. Кроме того, в поликонфессиональном ливанском социуме представлены алавитская, бехаитская и другие общины. История сосуществования на ливанской земле последователей различных верований представляется весьма интересной. В V–VII вв. в христианстве появились новые богословские течения, такие как несторианство, монофизитство и монофелитство, представители которых вели догматические споры относительно наличия у Христа божественной или человеческой природы. Преследуемые византийской церковью приверженцы различных христианских толков были вынуждены искать убежище и нашли его в Ливанских горах.

В конце VII в. из внутренней Сирии в Ливан начали мигрировать христиане-монофелиты, к коим относились марониты, названные так в честь сирийского аскета Мар Маруна [1. С. 22]. Позже на этих территориях осели мусульмане-шииты. В XI в. шиитами-исмаилитами Южного Ливана была образована друзская община, приверженцы которой получили свое название от доверенного лица фатимидского халифа Хакима (996–1021 гг.) – перса Мухаммада ад-Дарази, выступавшего проповедником культа Хакима как окончательного телесного воплощения бога. Сами друзы называют себя «муваххидун», т.е. «приверженцы единого Бога», а слово «друз» содержит в себе коннотацию – на арабском языке «дурус» означает «уроки», т.е. уроки нового вероучения. Росту количества религиозных общин в Восточном Средиземноморье способствовала достаточно активная деятельность миссионеров.

По итогам последней переписи населения, проведенной еще в подмандатном французском Ливане в 1932 г. (с тех пор официальная перепись не проводилась, причем Ливан является единственным государством-членом ООН, не проводившим перепись после Второй мировой войны), в стране насчитывалось более 51% христиан и около 48% мусульман. Крупнейшей христианской общиной были марониты, которые составляли 28,8% от всего населения страны, далее шли греко-православные – 10%, греко-католики – 6,3%, армяне – 6,2% и другие представители христианских общин. Мусульманскую общину составляли сунниты (22,4%), шииты (19,6%), а также друзы (6%) [2].

Демографический состав населения страны за прошедшие годы сильно изменился. Согласно данным американской службы Central Intelligence Agency за 2019 г., в Ливане проживает 66,3% мусульман (30,6% сунниты, 30,5% шииты, 5,2% друзы) и 33,7% христиан [3].

Исторически отношения между различными конфессиями в Ливане складывались не просто. После краха Османской империи Франция, получив мандат Лиги Наций на управление землями географического Леванта, в 1920 г. объявила о создании Большого Ливана. Именно тогда в основу социально-политической организации общества лег принцип конфессионализма, предопределивший доминирование маронитской общины. В 1943 г., сразу после провозглашения формальной независимости главами ведущих общин был достигнут компромисс – Национальный пакт, предусматривавший основные принципы организации ливанского оющества [4. С. 105]. Согласно так называемому «Джентльменскому соглашению» христиане признавали независимость Ливана и отказывались от покровительства Франции в обмен на обещание мусульман не выступать более с идеей арабского единства и присоединения Ливана к Сирии.

Конфессионализм не утратил своей силы в ливанском обществе по сей день. Одной из ключевых составляющих этой системы стало распределение высших государственных должностей в стране по конфессиональному принципу: на пост президента может претендовать только христианин-маронит, пост премьер-министра отдан мусульманину-сунниту, спикером парламента может стать мусульманин-шиит, а министром обороны – представитель друзской общины.

Что касается законодательной ветви власти, то согласно избирательному закону 1960 г. на каждые 6 христиан в ливанском парламенте приходилось 5 мусульман. В каждом избирательном округе было закреплено определенное число кандидатов в соответствии с религиозной принадлежностью. Принцип конфессионализма не обошел стороной и судебную ветвь власти, где судопроизводство относительно личного статуса ливанцев ведется в религиозных судебных органах соответствующих общин [5. С. 62].

Постепенное изменение демографической ситуации в Ливане, а именно – рост численности мусульман привел к тому, что последние стали требовать перераспределения должностей в государственных структурах, что вызывало тревогу у лидеров христианских общин, особенно маронитов, стремившихся сохранить свои доминирующие позиции. Этноконфессиональные разногласия в ливанском обществе во многом способствовали возгоранию пламени гражданской войны, затянувшейся на долгие 14 лет (1975–1989 гг.). Следует отметить, что противоречия и разногласия существовали не только между последователями двух монотеистических религий – христианства и ислама, но и между сторонниками их течений (суннитами и шиитами), а также внутри самих этих течений (например, противостояние в шиитском лагере между движениями «Хизбалла» и «Амаль»).

Эскалации напряженности в стране накануне гражданской войны способствовали и внешние факторы, одним из которых стала миграция в Ливан палестинских беженцев. К началу 1980-х гг. в стране насчитывалось 400 тыс. палестинских беженцев, что составило более 11% населения страны [6. С. 383]. С территории Ливана они продолжали вести вооруженную борьбу

с Израилем, что в итоге привело к разрушению ливанской инфраструктуры и огромным экономическим потерям. Страна фактически разделилась на два лагеря – антипалестинский и пропалестинский. Христианские общины при поддержке Израиля стремились «вывести из игры» на ливанской территории Палестинское движение сопротивления (ПДС), а мусульмане увидели в «палестинской проблеме» удобную возможность в борьбе за власть в Ливане.

Страна погрузилась в длительное гражданское противостояние со значительным внешним участием. Система конфессионализма демонстрировала свою уязвимость. Стремление мусульманского населения получить больше рычагов власти в стране, с одной стороны, и попытки христианских верхов сохранить статус-кво стали его драйверами. В 1989 г. при посредничестве Саудовской Аравии, Алжира и Марокко в саудовском городе Ат-Таиф была подписана «Хартия национального примирения», известная как Таифские соглашения [7. С. 36]. В рамках этих соглашений предусматривалось равное представительство христиан и мусульман в парламенте, некоторое ограничение власти президента-маронита. В 1990 г. были внесены поправки в статьи ливанской Конституции о порядке формирования органов законодательной власти. Согласно этим поправкам достигалось равное представительство христиан и мусульман в парламенте и пропорциональное представительство от регионов. Было решено проводить выборы на общенациональной основе, что в итоге должно было привести к постепенному упразднению системы конфессионализма. Однако формально упраздненный конфессионализм де-факто существует по сей день, сея все новые и новые противоречия внутри ливанского общества [8. С. 110].

Стремление религиозных общин обладать решающим правом голоса в парламенте и отстаивать свои интересы в поликонфессиональном обществе привело к образованию многочисленных политических партий и организаций. Так, например, христиане-марониты представлены в таких партиях, как Национальный блок, Ливанская фалангистская партия «Катаиб», основателем которой являлся Пьер Жмайель, Ливанские силы, возглавляемые Самиром Джааджаа, и Свободное патриотическое движение (СПД) во главе с Джебраном Басилем. Среди партий «мусульманского блока» следует выделить шиитскую организацию «Хизбалла», идейным вдохновителем которой является Хасан Насралла, также шиитскую «Амаль» во главе с Набихом Берри, Прогрессивно-социалистическую партию (ПСП), созданную Камалем Джумблатом и представляющую интересы друзской части населения, а также партию суннитского толка «Аль-Мустакбаль», возглавляемую действующим премьер-министром Саадом Харири.

В 70-е гг. XX в. бедные крестьяне-шииты переселялись в южные пригороды Бейрута, образовав там так называемый «пояс бедности» [9. С. 74]. Они создали социальную организацию «Движение обездоленных» («Харакят аль-махрумун»), на основе которой впоследствии сформировалась партия «Амаль». Идеологические постулаты «Амаль» зиждились на необходимости реформирования политической системы и решении социальных проблем

шиитского меньшинства, что придавало партии светский характер. В силу разногласий внутри общины от «Амаль» откололся ряд группировок, которые впоследствии влились в проиранскую партию «Хизбалла», возникшую в 1982 г. и разделявшую антизападные и антиизраильские настроения [10. С. 50]. Будучи более радикальной военизированной шиитской группировкой, «Хизбалла» не признавала легитимность власти христианской общины в Ливане. Две шиитские партии до сих пор сохраняют достаточно прочные позиции в стране. Возникнув на волне отрицания существовавших в стране политических реалий, шиитские группировки избрали тактику борьбы – «против», не предлагая альтернативных путей решения межконфессиональных противоречий.

В последние годы наблюдается тенденция постепенного наращивания «Хизбаллой» своего присутствия во власти, что происходило не без поддержки Ирана и Сирии. Так, на парламентских выборах 2005 г. «Коалиция 14 марта», представленная преимущественно либерально-суннитской партией «Аль-Мустакбаль» во главе с Саадом Харири, получила 72 места из 128. Второй блок – «Коалиция 8 марта» – был представлен СПД, «Хизбаллой» и «Амаль», он завоевал 56 мест в ливанском парламенте. Результаты парламентских выборов 2009 г. кардинально не изменили баланс сил и принесли победу блоку Саада Харири (71 место), а коалиция Хасана Насраллы получила 57 мест.

Что касается выборов 2018 г., которые трижды откладывались под предлогом политической нестабильности, военного конфликта в соседней Сирии и наплыва сирийских беженцев в Ливан, то партия «Хизбалла» и ее союзники получили более половины мест в ливанском парламенте (67 из 128), в то время как поддерживаемая Саудовской Аравией и западными странами партия «Аль-Мустакбаль» потеряла треть своих мест – количество депутатских мандатов партии сократилось с 33 до 21 [11].

Упрочение позиций проиранской «Хизбаллы», безусловно, может способствовать усилению роли Тегерана в Восточном Средиземноморье, и в этом контексте создание «шиитской дуги» – линии военно-политического влияния Ирана от Ирака до Сирии и Ливана – неизбежно усилит его конфронтацию с Западом, Израилем и Саудовской Аравией.

Тем временем в Ливане суннитская партия во главе с премьер-министром Саадом Харири с каждым днем утрачивает свое былое влияние, так как правительство не справляется ни с политическими, ни с экономическими трудностями. К началу 2020 г. инфляция в Ливане достигла почти 60%, государственный долг Ливана – 170% ВВП, или \$90 млрд [12], что является одним из самых высоких показателей в мире. Более половины населения страны оказалось за чертой бедности. В результате этого недоверие суннитскому правительству и активная поддержка со стороны Ирана шиитского населения создает благоприятные условия для выдвижения на первый план партии «Хизбалла».

Как христианское СПД, так и шиитские «Хизбалла» и «Амаль», суннитская «Аль-Мустакбаль» и друзская ПСП выступают с критикой существующей

системы, настаивая на необходимости построения современного светского государства с равными правами для всех граждан, независимо от их вероисповедания [13. С. 18]. Однако конфессионализм, проникший буквально во все сферы жизни ливанцев, стал за многие годы неотъемлемой частью народного самосознания, а конфессиональная принадлежность продолжает доминировать и берет верх над общенациональной идентичностью, ослабляя горизонтальные общественные связи в ливанском обществе.

Сирия: конфессионально-политические вызовы в контексте региональной нестабильности

Еще одной страной Восточного Средиземноморья, которая в 2011 г. оказалась втянутой в гражданское противостояние, в том числе на межконфессиональной почве, и превратилась в эпицентр серьезного политического кризиса, который к тому же прошел стадию интернационализации, является Сирия. На внутривосточную ситуацию в стране воздействует фактор многослойности ее этноконфессиональной структуры. По данным ООН на 2011 г., т.е. на начало внутрисирийского конфликта, население САР составляло около 21 млн чел. Из них 71% – арабы, 8% – курды, а также здесь проживали туркоманы, армяне, черкесы, персы, турки. Самой большой по численности религиозной общиной в стране были сунниты (71%), затем шли шииты, алавиты и друзы, представлявшие конфессиональные меньшинства. К христианской общине принадлежали православные, армяно-григориане, греко-католики, марониты, халдеи, сиро-католики и др.

На 2020 г. арабы составляют большую часть населения страны, курды – 10%, национальные меньшинства – ассирийцы, туркоманы, армяне, черкесы. Что касается религиозного состава, то мусульманская община представляет большинство – 87%, из которых суннитов – 74%, алавитов, исмаилитов, шиитов – 13%, около 10% населения являются христианами, 3% – друзами [14]. Таким образом, большая часть населения принадлежит к суннитской ветви ислама, в то время как алавиты и друзы традиционно занимают ключевые позиции в армии и спецслужбах, что явилось одной из серьезных причин протестных выступлений в стране.

Основополагающими идеологическими принципами правящей партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения), основанной в 1947 г., выступали арабский национализм и социализм. Ее создание послужило своего рода альтернативой исламскому варианту консолидации арабского общества. Идеиные вдохновители партии БААС, среди которых был Мишель Афляк, выходец из православной семьи [15], не видели возможным объединение поликонфессионального сирийского общества на религиозной основе, поскольку тогда меньшинства в лице христиан, алавитов и друзов в значительной степени составляли сирийскую элиту. В этой связи компромиссным путем консолидации сирийского общества стало объединение на национальной основе, а не на конфессиональной, как это происходило в соседнем

Ливане. К сожалению, в дальнейшем обстановка в стране накалялась, поскольку представители суннитской общины были не только не довольны доминирующим положением алавитов, но и скептически относились к светской модели государственного устройства в Сирии.

В ходе антиправительственных выступлений 2011 г. лозунги демонстрантов о необходимости проведения реформ постепенно сменились требованиями об отставке правительства и уходе президента Башара Асада. Одной из его многочисленных уступок стала разработка новой Конституции 2012 г., которая провозгласила новые права и свободы граждан и изменения в государственной политике.

Представляет интерес то обстоятельство, что в Конституциях и 1973 г. [16], и 2012 г., принятых баасистским руководством, религия упоминается лишь раз, а именно в третьей статье: «Религией президента республики является ислам. Исламская юриспруденция должна быть основным источником законодательства. Государство должно уважать все религии и обеспечивать свободу выполнения всех ритуалов, не нарушающих общественный порядок. Статус религиозных общин должен защищаться и уважаться» [17]. Естественно, приверженцев «чистого ислама» такое положение дел не устраивало, что вызывало обострение суннито-алавитских отношений.

Вторая по численности неарабская этническая группа в САР – курды, которые, как и их соплеменники, проживающие в соседних странах, стремятся сохранить национальную идентичность посредством отделения от Сирии, Ирака, Турции и Ирана и образования собственного независимого государства. На протяжении многих лет курды подвергались различного рода притеснениям, в том числе арабизации, экономическим и социальным ограничениям. Наиболее болезненным вопросом для них долгое время оставалась проблема получения сирийского гражданства. Данный вопрос остро встал на повестке дня с 1962 г., когда в провинции Аль-Джазира, ныне Эль-Хасаке (пограничной с Турцией), был установлен особый ценз, лишивший гражданства около 120 тыс. курдов. Целью проведения такой политики, по официальной версии, было намерение выявить численность курдов, нелегально пересекающих границу. Де-факто такая политика имела целью установление полного контроля над северо-восточной частью страны, богатой энергоресурсами [18. С. 34]. Среди выдвигавшихся курдами требований было признание национальной идентичности, предоставление курдскому языку официального статуса и обеспечение равных прав и свобод. Не получив от сирийских властей желаемого, курды и по сей день встают на защиту своих интересов в зонах их компактного проживания и выступают за реализацию своих национальных чаяний.

До начала внутривосточного конфликта у сирийских христиан был достаточно высокий уровень жизни, хотя они и испытывали определенные ограничения в правах – низкое представительство в парламенте, отсутствие возможности занимать высшие руководящие должности в государстве. Во время политического кризиса они подверглись массовым гонениям и

жестокости со стороны исламистских группировок, в результате чего многим христианам пришлось эмигрировать в другие страны.

Действующий президент Сирии Башар Асад предпринимал меры по демократизации государственной системы и проведению политических и экономических реформ с целью недопущения расширения революционной волны. В 2011 г. он отменил чрезвычайное положение в стране, введенное еще в 1963 г., провозгласил многопартийность (хотя монополия на власть оставалась за БААС), принял закон о предоставлении национального гражданства курдам в северо-восточной провинции Эль-Хасаке. Однако, несмотря на предпринятые сирийским руководством шаги, противники режима отвергли курс на демократизацию и либерализацию общества и заняли конфронтационную позицию.

Появилась реальная угроза захвата власти исламистскими группировками. На юге и северо-западе страны наибольшую угрозу представляла террористическая группировка «Джабхат ан-Нусра», а на северо-востоке доминировало «Исламское государство» (запрещены в РФ). Сирийской армии с помощью ВКС Российской Федерации, Ирана и Хизбаллы удалось разгромить наиболее крупные группировки ИГ, вытеснить остатки вооруженной оппозиции и местных исламистов на северо-запад страны, в зону деэскалации Идлиб. Определенный вклад в борьбу с международным терроризмом внесли силы международной коалиции, а также курдские ополченцы.

На 2020 г. можно констатировать, что террористическая организация «Исламское государство» в основном разгромлена, хотя, как полагают эксперты, говорить о скором прекращении военного противостояния и переходе к мирной фазе урегулирования сирийского конфликта пока преждевременно [19. С. 69].

Заключение

Таким образом, очевидно, что вопрос об этнической и религиозной идентичности населения Ливана и Сирии стоит весьма остро. В Ливане вся социально-политическая структура общества пронизана духом конфессионализма. Его политическая элита оказалась неспособной выработать универсальную модель, под которую адаптировалось бы ливанское общество вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности. А внешний фактор лишь усугубляет межобщинное разделение ливанского социума.

В Сирии доминирующая позиция религиозного меньшинства привела к радикализации суннитского населения, а демократизация политической жизни, провозглашенная сирийским руководством в процессе борьбы с оппозицией, так и не смогла удержать страну от братоубийственной войны, остро поставившей вопрос о самом существовании «восточной колыбели человеческой цивилизации». В современном взаимозависимом мире разделение общества по этнорелигиозному принципу, а тем более формирование на этой основе государственно-политического устройства представляется не только неэффективным, но и деструктивным. До тех пор, пока не будет выработана

единая надобщинная модель интеграции социума как в Сирии, так и в Ливане, острейший конфликтогенный потенциал будет сопровождать развитие этих восточносредиземноморских арабских стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Родионов М.А.* Этноконфессиональная ситуация в арабском мире: истоки и перспективы. СПб, 2016.
- [2] Central Administration for Statistics. Режим доступа: <http://www.cas.gov.lb/>. Дата обращения: 05.10.2020.
- [3] The World Factbook. Lebanon. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html>. Дата обращения: 05.10.2020.
- [4] *Aboultaif E.W., Tabar P.* National versus Communal Memory in Lebanon // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019. Vol. 25. No. 1.
- [5] *Иващенко А.С.* Роль конфессионального фактора в общественно-политической жизни Ливана (1943–1990 гг.) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Выпуск 3 (163).
- [6] *Горбунова Н.М.* Перманентный кризис в Ливане: роль этноконфессионального фактора // *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. М., 2015.
- [7] *Савичева Е.М.* Ливанский кризис: гражданская война и ненадежный мир // *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. 2008. № 2.
- [8] *Сарабьев А.В.* Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 12(4).
- [9] *Рассадин П.А.* Этноконфессиональные процессы и международные отношения на современном Арабском Востоке // *Вестник РГГУ*. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009.
- [10] *Беренкова Н.А.* Шиитские партии Ливана: общие и специфические черты // *ПОЛИТЭКС*. 2014. Том 10. № 10.
- [11] Лидер «Хезболлы» объявил о победе на выборах в парламент Ливана. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2018/5af024639a794715402c984e>. Дата обращения: 07.10.2020.
- [12] Ливан объявил дефолт по евробондам из-за «сожравшей страну коррупции». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2020/5e63d3459a7947cc5cd55594>. Дата обращения: 07.10.2020.
- [13] *Fakhoury T.* Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon’s Political Transition // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2019, Vol. 25, No. 1.
- [14] The World Factbook. Lebanon. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [15] *Torrey G.H.* The Ba’th: Ideology and Practice // *Middle East Journal*. Т. 23. 1969. №. 4.
- [16] Конституция Сирийской Арабской Республики 1973 года (на арабском языке). Режим доступа: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ar/sy/sy011ar.pdf>. Дата обращения: 09.10.2020).
- [17] Конституция Сирийской Арабской Республики 2012 года (на арабском языке). Режим доступа: <http://www.jadaliyya.com/pages/index/4410/>. Дата обращения: 09.10.2020.
- [18] *Устинов Е.* Сирия: этноконфессиональный аспект кризиса // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 6.
- [19] *Иванов С.М.* Урегулирование сирийского конфликта – важный шаг на пути к региональной стабильности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Том 64. № 11.

REFERENCES

- [1] Rodionov MA. Etnokonfessional'naya situatsiya v arabskom mire: istoki i perspektivy [Ethno-confessional situation in the Arab world: origins and prospects]. SPb., 2016. (In Russ.).
- [2] Central Administration for Statistics. Available from: <http://www.cas.gov.lb/> [Accessed: 5 October 2020].
- [3] The World Factbook. Lebanon. Available from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html> [Accessed: 5 October 2020].
- [4] Aboultaif EW, Tabar P. National versus Communal Memory in Lebanon. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019; 25(1).
- [5] Ivashchenko AS. Rol' konfessional'nogo faktora v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Livana (1943–1990 gg.) [Role of the confessional factor in Lebanon's social and political life (1943–1990)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2015; 3(163). (In Russ.).
- [6] Gorbunova NM. Permanentnyy krizis v Livane: rol' etnokonfessional'nogo faktora [Permanent crisis in Lebanon: the role of the ethno-confessional factor]. *Natsii i natsionalizm na musul'manskom Vostoke*. Moscow, 2015. (In Russ.).
- [7] Savicheva Ye. M. Livanskiy krizis: grazhdanskaya voyna i nenadezhnyy mir [Lebanese crisis: civil war and unreliable peace]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2008; (2). (In Russ.).
- [8] Sarab'yev AV. Livan: obyknovennaya «konsotsional'naya demokratiya» v regional'nom kontekste [Lebanon: an ordinary “consocial democracy” in a regional context]. *MGIMO Review of International Relations*. 2019; 12(4). (In Russ.).
- [9] Rassadin PA. Etnokonfessional'nyye protsessy i mezhdunarodnyye otnosheniya na sovremennom Arabskom Vostoke [Ethno-confessional processes and international relations in the modern Arab East]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2009. (In Russ.).
- [10] Berenkova NA. Shiitskiye partii Livana: obshchiye i spetsificheskiye cherty [Shiite parties of Lebanon: general and specific features]. *POLITEKS*. 2014; 10(10). (In Russ.).
- [11] Lider «Khezbolly» obyavil o pobede na vyborah v parlament Livana [The leader of Hezbollah announced victory in the elections to the Lebanese parliament]. Available from: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2018/5af024639a794715402c984e> [Accessed: 7 October 2020]. (In Russ.).
- [12] Livan obyavil defolt po yevrobondam iz-za «sozhravshey stranu korruptsii» [Lebanon defaulted on Eurobonds due to «corruption that has devoured the country»]. Available from: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2020/5e63d3459a7947cc5cd55594> [Accessed: 7 October 2020]. (In Russ.).
- [13] Fakhoury T. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's Political Transition. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019; 25(1).
- [14] The World Factbook. Lebanon. Available from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html> [Accessed: 8 October 2020].
- [15] Torrey G.H. The Ba'th: Ideology and Practice. *Middle East Journal*. 1969; 23(4).
- [16] Konstitutsiya Siriyskoy Arabskoy Respubliki 1973 goda [Constitution of the Syrian Arab Republic 1973]. Available from: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ar/sy/sy011ar.pdf> [Accessed: 9 October 2020]. (In Arab.).
- [17] Konstitutsiya Siriyskoy Arabskoy Respubliki 2012 goda [Constitution of the Syrian Arab Republic 2012]. Available from: <http://www.jadaliyya.com/pages/index/4410/> [Accessed: 9 October 2020]. (In Arab.).

- [18] Ustinov Ye. Siriya: etnokonfessional'nyy aspekt krizisa [Syria: the ethno-confessional aspect of the crisis]. *Asia and Africa today*. 2014; (6). (In Russ.).
- [19] Ivanov S.M. Uregulirovaniye siriyskogo konflikta – vazhnyy shag na puti k regional'noy stabil'nosti [The settlement of the Syrian conflict is an important step towards regional stability]. *World Economy and International Relations*. 2020; 64(11). (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Савичева Елена Михайловна – к.и.н., доцент кафедры Теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: savicheva@mail.ru.

Ахмедова Нигина Сухбатовна – студентка бакалавриата, кафедра теории и истории международных отношений, направление «Зарубежное регионоведение», Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: akhmedova.de@gmail.com.

Ганем Сомар Х. – аспирант кафедры Теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: somarghanem7@gmail.com.

Savicheva Elena – PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: savicheva@mail.ru.

Akhmedova Nigina – student of the Department of Theory and History of International Relations (Foreign Regional Studies), Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: akhmedova.de@gmail.com.

Ghanem Somar Hafez – postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: somarghanem7@gmail.com.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 29.10.2020